

УДК 808

С.В. Зеленко

Институт журналистики Белорусского государственного университета

**АНАЛИЗ ВАРИАТИВНОСТИ ЦЕЛЕВЫХ УСТАНОВОК ЖУРНАЛИСТА
ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИНТЕРТЕКСТА В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ
РЕЧИ**

Оценка целевых установок автора при включении интертекстуальных единиц в медиатекст позволяет получить расширенные сведения о мировоззрении публициста; определить концептуальную позицию журналиста, касательно

личностных характеристик реципиента информации; спрогнозировать и смоделировать процессы налаживания и протекания коммуникативного акта; провести верификацию соответствия цели использования интертекста его вербальной реализации в журналистском материале. Ученые подчеркивают, что «для рассмотрения экстралингвистического статуса публицистического текста необходимо показать, как в журналистской практике используются уже существующие, первичные тексты, социально значимые и как они интерпретируются, моделируются и включаются в структуру сообщения» [2].

Анализ функционирования интертекста в современных белорусских печатных СМИ позволил выделить несколько целей его введения в журналистский текст: трансформация «чужого» текста; пародирование и имитация претекстового материала; полемика с прецедентным для журналиста автором; развитие предшествующей литературной традиции; обогащение смысла авторского материала; нейтрализация влияния прецедентного текста. Проиллюстрируем сказанное примерами.

Трансформация «чужого» текста

Интертекст перерабатывается журналистом для дальнейшего включения в структуру публицистического произведения в измененном виде. Как показывает частотно-статистический анализ использования интертекстуальных единиц в медиатексте, чаще всего трансформации, которая может выражаться, например, в искажении лексического состава интертекстемы, подвергаются цитаты, из-за чего мутапрецедентные высказывания приобретают новые смысловые (контекстуальные) значения, которые реализуются только в конкретном журналистском материале. При этом, как отмечают ученые, «в медиатексте изменению подвергается не только форма цитаты, но и ее содержание» [1].

Маркерами целенаправленной, а не случайной (из-за незнания (иллюзии знания) журналистом прецедентных выражений) трансформации интертекстуальной единицы в медиатексте могут служить речевые конструкции типа: «*перефразируя известное выражение*» (СБ. Беларусь сегодня, 28.11.2006); «*перефразируя известное изречение*» (СБ. Беларусь сегодня, 25.07.2006); «*перефразируя известное высказывание*» (СБ. Беларусь сегодня, 12.08.2005); «*перефразируя известный лозунг*» (СБ. Беларусь сегодня, 24.11.2000); «*перефразируя слова классика*» (СБ. Беларусь сегодня, 30.01.2007); «*перефразируя героиню известного французского фильма*» (СБ. Беларусь сегодня, 10.01.2007); «*перефразируя известную поговорку*» (СБ. Беларусь сегодня, 01.06.2007); «*перефразируя классика*» (СБ. Беларусь сегодня, 10.02.2007); «*перефразируя классическое*» (СБ. Беларусь сегодня, 20.22.2003); «*перефразируя поэта*» (СБ. Беларусь сегодня, 01.11.2007); «*перефразируя уже классическое*» (СБ. Беларусь сегодня, 23.10.2002); «*перефразируя известный афоризм*» (СБ. Беларусь сегодня, 10.11.2007); «*перефразируя поговорку*» (СБ. Беларусь сегодня, 08.06.2005) и т.п.

Вместе с тем, перечисленные речевые формулы при проведении редакторско-концептуального анализа включения в структуру публицистического произведения интертекста не позволяют с уверенностью утверждать, что журналист знает автора прецедентного высказывания и/или прецедентного текста, на который ссылается, из-за чего не возможно проводить верификации фактического материала статьи.

Противоположную ситуацию наблюдаем, когда в публицистический текст вводится трансформированная цитата (мутапрецедентное высказывание) с упоминанием автора цитируемого источника (прецедентное имя) и/или названия претекста. Так, в статье «*Боевая ничья?*» (СБ. Беларусь сегодня, 31.07.2009) рассказывается о внеочередных парламентских выборах в Молдове: «цепляющиеся за прошлое» коммунисты предлагают дружить с Россией, а «прогрессивные» оппозиционеры ведут Молдову в Европу». Для описания политической обстановки в стране журналист вводит в статью ситуационную аллюзию: «*Это явное упрощение ситуации, которая сложилась в одной маленькой стране, расположенной, перефразируя Пикуля, на задворках великой Европы*». Актуализация интертекстуальной единицы в описанном примере происходит при упоминании трансформированного названия прецедентного текста – романа-дилогии В. Пикуля «*На задворках Великой империи*» – и его автора. За счет использования в материале маркированной интертекстемы публицист включает читателя в интеллектуальную игру со смыслами: во-первых, замена лексемы *империя* на тапоним *Европа* может восприниматься читателем как сигнал к ироническому переосмыслению и противопоставлению этих понятий (*Европа – новая империя*), во-вторых, замена прописной буквы в первом слове наименования *Великая империя* из претекстового заголовка на строчную в постпозиции публицистической статьи в словосочетании *великая Европа* может указывать на ерничание автора, демонстрацию его негативного отношения к ситуации, которая вызвала внеочередные выборы в Молдове.

Пародирование интертекстуальной единицы

При пародировании интертекстуальных единиц «чужой» текст вводится в структуру авторского с целью его высмеивания, сатирического или комического подражания, ерничания, насмешки над прецедентным текстом, поскольку, как отмечает У. Эко: «медиа предполагают и рассчитывают на владение информацией, ранее уже переданной другими медиа» [4]. Так, в материале «*Вы все еще ведете неравный бой с грязью?*» (7 дней, 21.12.2006) автор анализирует ролики телевизионной рекламы. Журналист цитирует рекламные тексты (прецедентные высказывания), и дает им пейоративную оценку: «*Кому вы доверяете больше: «Дюрасел» или обычным батарейкам?*» – *Звучит вопрос, а в это время зайчата карабкаются на скалу. За спиной у них едва заметны батарейки. Оказывается, те, в которых обычные батарейки, обречены. Друг за другом они падают от изнеможения, срываются вниз, а с «Дюрасел» поднимается все выше и выше. К счастью, – опять звучит все тот же голос, – когда выносили-*

вость действительно имеет значение, мы все можем доверять «Дюрасел». Что это означает? Не предлагают ли и мне взобраться на скалу с батареей за спиной? Нет, ни за что! Пусть даже «Дюрасел» будет выносливей не в 10, а во сто раз!».

Раздражение, которое неизменно чувствуют телезрители во время просмотра рекламных блоков, журналист передает и через включение в статью анекдота (прецедентный текст с ярко выраженной негативной коннотацией): *«Благодаря рекламе я узнала, что «Бленд-а-мед» помогает деснам быть здоровыми, а зубам – крепкими. А «Колгейт» заботится вместе со стоматологической ассоциацией о наших зубах <...> Вспомнился анекдот на эту тему: «Институт гигиены рекомендует зубные щетки, которые могут проникнуть в труднодоступные места. Но травматологи напоминают, что это все-таки зубные щетки!».*

Определенная интонация ерничания в голосе автора чувствуется и при акцентировании внимания читательской аудитории на логических ошибках в рекламных текстах: *«Теперь внимание: «Эластичная фиксация и роскошный объем – тройной результат для красоты ваших волос – опыт профессионалов». Ну что тут скажешь? Если профессионалы так считают... Зря, выходит, ругала сына за двойки по математике».*

Указывает журналист и на смысловые недостатки телевизионной рекламы – несоответствие товара, который рекламируется, сюжету рекламного ролика: *«Камера въезжает в спортивный зал и показывает соответствующий инвентарь. Кто-то висит на шведской стенке, кто-то пытается преодолеть коня, который в школе мы нежно называли «Козлик». Диктор вещает: «Когда другие виснут, тормозят и вообще отказываются работать, компьютер (название марки для несведующего звучит невнятно) работает стабильно и четко. Компьютер, которому я доверяю!» Ну какая связь между «козлами» и рекламируемым товаром? Козлиная...».*

Автор при оценке текстов телевизионной рекламы позволяет себе использовать сниженную лексику: *«сказать, что реклама уже «достала», – значит, ничего не сказать».* С. Сметанина, акцентируя внимание на проблеме использования иноязычных единиц в текстах СМИ, говорит, что «Появление в тексте определенного стиля элементов другого, «чужой» лексической единицы является довольно устойчивой тенденцией в функционировании текстов, разных коммуникативных сфер» [3]. Наличие лексемы «достала» в публицистическом тексте можно объяснить усилиями журналиста выразить собственное, и в значительной степени читательское, отношение к поднятой в статье проблеме: *«раздражает и то, что навязывают предмет, назначение которого многим неизвестно».*

При прогнозировании гипотетической реакции потребителей, на которых направлены рекламные сообщения, автор публицистического материала описывает модель их поведения через собственную реакцию на подобные слоганы: *«А вот демонстрируют порошок, который быстро устраняет грязь, где бы*

та ни скрывалась. «Вы все еще ведете неравный бой с грязью? – Строго спрашивал мужской голос. – Тогда мы идем к вам!» Думаете, я побежала открывать дверь? Отнюдь...». Или еще: «И напрасно его производители (стирального порошка, – С.З.) надеются, что после этого я сломя голову помчусь за ним в магазин. Вот и нет!». При этом, журналист четко объясняет свое ироническое отношение к рекламе: «В этом же рекламном блоке меня уверяли, что «Дени-Сода-эффект» не позволяет извести осесть на волокнах ткани и гарантирует сверкающую белизну даже после многочисленных стирок. Стирает отлично, экономит прилично. И через несколько минут меня уже убеждают, что этими свойствами обладает лишь «Ариэль-бриллиант».

Можно отметить, что творческий подход к критическому осмыслению рекламных текстов через их пародирование позволил журналисту создать комический эффект в авторском материале, помог акцентировать читательское внимание на ошибках телевизионной рекламы, высмеять ее недостатки.

Имитация претекстового материала

Повторение в журналистском материале, подражание определенным литературным или историческим сюжетам и мотивам, проведение параллелей между описанными в статье событиями, характерами и судьбами героев с прецедентными феноменами, концептуально значимыми для журналиста именами и ситуациями.

В статье «Белая королева начинает. И выигрывает» (СБ. Беларусь сегодня, 21.12.2007) довольно удачно используется в заголовке статьи антропонимическая аллюзия. Из текста становится ясно, что журналист сравнивает ситуацию, сложившуюся в Украине во время проведения президентских и парламентских выборов, с шахматной партией: «С некоторых пор Юлия Владимировна Тимошенко предпочитает белый цвет всем остальным. <...> За это постоянство в одежде – да к тому же блондинка – нового премьер-министра теперь часто называют белой королевой». Вторая антропонимическая аллюзия, антономазийная по своему содержанию, также вводится автором в материал для характеристики личности Ю. Тимошенко: «Газовая принцесса», как ее по инерции называли во время первого премьерского срока, имея в виду род ее предыдущей деятельности, теперь стала полноценной королевой на шахматной доске украинской политики». При характеристике еще одной знаковой фигуры в украинской политике – лидера Социалистической партии А. Мороза – журналист, чтобы раскрыть личностные качества руководителя Парламентского комитета Верховной Рады Украины, использовал кроме антропонимической и ситуационную аллюзию: «Мороз находился в тени двух звездных ораторов... В общем, переходя на шахматный фигуры, он, разумеется, не был ферзем, да же ладьей, а вот конь для него в самый раз. Потом в парламенте он сыграл роль троянского коня, неожиданно перейдя из «оранжевого» лагеря в Партию регионов <...> Виктор Янукович получил кресло премьер-министра, а Мороза отблагодарили постом спикера. Киевский журнал «Корреспондент» назвал его

за это «личностью года», а в народе к фамилии нового председателя парламента стали добавлять окончание «-ов» и именовать Павликом». Посредством имитации претекстового материала, в примере, который анализируется, – шахматной партии, журналист через сравнение некоторых украинских политиков с Шахматными фигурами смог дать им личностную характеристику. Через экстраполяцию правил игры в шахматы на описанные в материале события автор смог провести между ними определенные параллели, смысл которых без помех воспринимается читателем через актуализации в публицистическом тексте прецедентной ситуации (дарение данайцами жителям Трои деревянного коня, в котором спрятались греческие воины), узуальное значение которой – вероломные и обманные действия под маской доброжелательности, и прецедентного имени (Павлик (Павел Трофимович) Морозов – советский пионер, гибель которого была использована для создания образа юного борца с кулаками), с которым тоже в данном контексте ассоциируется предательство (по данным Всемирного энциклопедического словаря (Минск: Современный литератор, 2004. – С. 884) в 1930 г. Павлик Морозов выдал своего отца – главу Герасимовского местного совета – советским властям).

Полемика с прецедентным для журналиста автором

Интертекст вводится в структуру публицистической статьи для оспаривания или обсуждения научных, литературных, политических, художественных и т.д. позиций и установок прецедентного для работника СМИ автора.

Подобный пример использования интертекстуальных единиц можем наблюдать в статье *«Ох уж эти злые языки!»* (Минский курьер, 24.07.2007). Журналист пытается найти ответ на вопрос (*«отравил ли Моцарта Сальери?»*), который выносит в подзаголовок материала: *«Свыше двухсот лет назад, в ночь с 4 на 5 декабря 1791, не приходя в сознание, скончался в Вене гениальный Вольфганг Амадей Моцарт тридцати пяти лет отроду. Сразу после смерти Моцарта в обществе заговорили, что он пал жертвой яда»*. Опираясь на выводы последних научных исследований, автор публикации доказательно опровергает версию о том, что композитор был отравлен, которая царила долгое время в истории культуры и стала сюжетным стержнем некоторых произведений искусства: *«австрийский врач и музыковед, профессор Антон Ноймайер представил доказательство того, что Моцарт не был отравлен, а скончался от застарелых болезней, которыми страдал еще с детства»*. В постпозиции медиатекста журналист упоминает название прецедентного произведения и имя его автора, чтобы продемонстрировать ошибочность установок последнего: *«Итак, «Моцарт и Сальери», одна из лучших «маленьких трагедий» Александра Пушкина, может окончательно перейти в жанр фантастики. Почтенный маэстро никого не травил»*. Таким образом, введение в журналистский материал интертекстуальных единиц (антропонимических аллюзий – *Моцарт, Сальери, Александр Пушкин*; эксплицитных реминисценций – *«Моцарт и Сальери», «маленькие трагедии»*) позволило автору актуализировать в сознании потенциального

читателя ситуационную аллюзию и оспорить описанный в произведении художественной литературы факт отравления Моцарта Сальери.

Развитие предшествующей литературной традиции

Разработка сотрудником СМИ и передача читателю актуальной информации на основе стилистических приемов, методологических принципов построения и жанровой специфики нежурналистского текста (кино, художественной литературы и т.д.).

Так, в статье *«Украинский политический сериал»* (Обозреватель, 17.10.2008) журналист, анализируя ситуацию, сложившуюся в Украине в преддверии очередных президентских выборов, сравнивает ее с сериалом: *«Происходящее в стране действительно немного смахивает на бразильское и мексиканское «мыло»*. Концепт *«сериал»* выносится в препозицию публицистической статьи: заголовок – *«Украинский политический сериал»* и подзаголовок – *«Комментируя политическую ситуацию в стране, президент Виктор Ющенко вспомнил о мексиканских сериалах»*. Повтор концепта в сильной позиции текста позволяет журналисту (при рецепции текста читателем) сразу актуализировать коннотативное (интертекстуальное) значение и экстраполировать его на проблемную ситуацию – четвертые за последние четыре года выборы в стране. Упоминание интертекстуальной единицы в постпозиции статьи помогает автору закольцевать текст, сделать его структурно-композиционно и содержательно законченным: *«Уже мало кто берется предсказывать, чем может закончиться этот «политический сериал» <...> Но, видимо, жители Украины привыкли к такому «мылу» и с удовольствием сядут у телевизоров смотреть очередную серию «особенностей национальной политики». Еще бы – Бразилия точно отдыхает!»*. Использование в публицистическом тексте концептуализированных интертекстуальных единиц (*«мексиканский сериал», «бразильское и мексиканское «мыло», «очередной сезон «сериала», «политический сериал», «очередная серия» особенностей национальной политики»*), а также лексем и выражений, которые в сознании большинства реципиентов информации связаны с этими концептами (*«захлестывало море страстей», «очередной поворот событий может быть неожиданным и даже абсурдным», «согласно канонам жанра»*), опосредуют способ построения статьи по образцу и в традициях синопсиса – краткого содержания книги или сценария фильма, в котором лапидарно передаются события, произошедшие за довольно значительный промежуток времени.

Руководствуясь принципом передачи информации в виде аннотации, журналист вынужден включать в текст насыщенные глаголами прошедшего времени краткие фразы, в которых четко указывается пространственные (*«Украина», «Киев», «столица», «СНГ»*), временные (*«9 октября», «последние 4 года», «30-дневный срок», «к 8 октября», «3 сентября» «в понедельник», «со вторника»*), ситуационные (*«политические партии, представленные в парламенте, не сформировали коалицию», «Ющенко распустил парламент и назначил новые выборы», «парламентская коалиция Блока Юлии Тимошенко (БЮТ) и ющен-*

ковского блока «Наша Украина – Народная самооборона» (НУНС) распалась», «БЮТ обжаловал президентский указ о роспуске Верховной Рады в окружном административном суде Киева и добился того, чтобы действие указа было преостановлено», «президентский секретариат оспорил решение суда», «Ющенко освободил от занимаемой должности судью окружного административного суда», «Виктор Ющенко ликвидировал окружной административный суд», «была усилена охрана всех судов», «сотрудники спецслужб работают в усиленном режиме») и антропонимические («президент Виктор Ющенко», «Виктор Ющенко», «Ющенко», «судья окружного административного суда Киева Владимир Келеберда», «Юлия Тимошенко», «руководитель украинского Управления государственной охраны Валерий Гелетей») маркеры, которые иллюстрируют ретроспективу событий.

Таким образом, использование интертекста позволила журналисту создать актуальный материал, построенный по образцу сериального сценария, за счет чего автор смог косвенно выразить свое негативно-ерническое отношение к описанным в статье событиям через актуализацию фоновых знаний читательской аудитории о соответствующем нежурналистском литературном жанре.

Обогащение смысла авторского материала

Использование интертекстуальных включений в структуре публицистического произведения с целью закрепления, подтверждения, уточнения собственно авторских позиций и установок. Чаще всего для этого журналисты вводят в структуру статьи ссылки на слова (прецедентные высказывания) известных политических и исторических деятелей (прецедентные имена), цитаты (прецедентные тексты) из произведений классиков мировой (в том числе русской, изредка – белорусской) литературы.

В статье, «*Так гимнастика очищает организм...*» (Рэспубліка, 17.05.2009), посвященной Дню работников физкультуры и спорта, журналист цитирует Гиппократ – «*Как суконщики чистят сукно, выбивая его от пыли, так гимнастика очищает организм*» – и итальянского физиолога Анджело Моссо – «*физические упражнения могут заменить множество лекарств, но ни одно лекарство не может заменить физических упражнений*». Апеллируя к словам авторитетных ученых, автор публикации пытается убедить читателя в актуальности поднятой в статье проблемы здорового образа жизни в молодежной среде.

В материале «*Мудрец строит мельницу*» (Минский курьер, 07.05.2009) о международной научно-практической конференции, которая была посвящена последствиям мирового финансового кризиса и путям выхода из него, цитируется Конфуций: «*Когда дует ветер, глупец возводит стену против его порывов, мудрец же строит мельницу*». Прецедентное высказывание позволяет публицисту более точно сформулировать мысль «*об уникальной возможности отказа от устаревших (экономических, – С.З.) моделей и концепций*» и, как отмечает автор статьи, проиллюстрировать «*стремление стран-участниц Со-*

дружества укреплять отношения, выстраивать новые, более эффективные контакты для развития экономической и социальной сфер».

Нейтрализация влияния прецедентного текста

Ослабление, искажение или уничтожение с помощью лексических средств закрепленного за определенной интертекстуальной единицей смыслового значения, а также эмоционального влияния, которое может оказывать опознанный читателем прецедентный феномен на реципиента информации, в ходе чего происходит разрушение генетических связей интертекста с претекстом.

Пример подобного использования антропонимической аллюзии наблюдаем в препозиции статьи «*Кулибины-камикадзе*» (Обозреватель, 04.09.2009), тематическим стержнем которой стали отмеченные Минским ОВД на воздушном транспорте частые случаи использования незарегистрированных летательных аппаратов. Сочетание прецедентного имени *Кулибин* (Иван Петрович Кулибин – российский механик-самоучка и изобретатель), которое в переносном значении употребляется для наименования *изобретателя*, с лексемой *камикадзе* (летчик-смертник в японской армии в период второй мировой войны, который шел на смерть вместе с направленным на цель самолетом), которая в данном контексте приобретает коннотативное значение *самоубийца*, ослабляет визуальное значение интертекстуальной единицы. Нейтрализация прецедентного имени происходит за счет использования в отношении субъекта публикации разговорной лексемы *летун*, которая по смыслу и стилистически не соответствует интертекстуальной единице в препозиции авторского материала, конфликтует с ней, но коррелирует с лексемой *камикадзе*, что в значительной степени отражает пейоративное отношение журналиста к описанному в статье факту – «*летуна вовремя остановили*». Ерничает автор публикации и при анализе события, когда рассказывает про то, что разрешения на полеты у «кулибина-камикадзе» *естественно не было да и не могло быть*.

Таким образом, в подобных случаях применения, происходит нейтрализация смысла интертекстуальной единицы, которая лишается собственного значения, теряет связь с претекстом (в рассмотренном примере – с историко-культурным дискурсом), но при этом может приобрести новое, контекстуальное значение (в проанализированной статье – довольно размытое, точно очерченное).

Отметим, что результат проверки и уточнения соответствия интенций журналиста по использованию интертекстуальных единиц и их реализации в публицистической речи может быть как положительным, когда аргументированно доказывается целесообразность включения «чужого» текста в структуру авторского, так и отрицательным, если невозможно обнаружить и обосновать с точки зрения теории и практики редактирования логических, сюжетных, композиционных и других оснований для интертекстуализации медиатекста.

Библиографический список

1. Варченко, В.В. Цитатная речь в медиа-тексте / В.В. Варченко. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 201 с.
2. Іўчанкаў, В.І. Дыскурс беларускіх СМІ. Арганізацыя публіцыстычнага тэксту / В.І. Іўчанкаў. – Мінск : БДУ, 2003. – С. 95.
3. Сметанина, С.И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века). / С.И. Сметанина. – СПб. : Изд-во Михайлова В.А., 2002. – С. 141.
4. Эко, У. Инновации и повторение. Между эстетикой модерна и постмодерна / У. Эко // Философия эпохи постмодерна : сборник переводов и рефератов. – Минск : Красико-принт, 1996. – С. 62.